

HOSPITAL

MACHINE

НЕ ВЫСПАЛСЯ ДREAMS

ТЫ СДЕЛАЛ НАМ ПРОБЛЕМУ, САМ ВИНОВАТ...

ASHISH

Откройте, сэр, это полиция... Сопротивление бесполезно. ВАШ дом окружен...

НАДО НАЧИНАТЬ ПРИВЫКАТЬ К ПЕРУ...

СДЕЛАНО

В Непале

ХАУ МАУ?

Two rupies

Стоп, стоп. Ты, вон, еврей, слюни какие вутерброды едим, а мне гуешки продать хочется

KETCHUP

PREAD

EGG

Ten rupies

Mari Joo

ГЛАВА 7. Часть первая. В тюрьме.

К моему разочарованию, выспаться в больнице не удалось. Зашив ржавой медицинской иглой мои раны, врачи заявили, что жить я буду, и отправили обратно в камеру, дав каких-то успокоительных таблеток. «Нужно что-то делать!», – снова заводит пластинку мой бедный мозг. Может бежать? Выпрыгнуть на перекрестке и бежать, но куда? Надо как-то выбираться отсюда. Нет, шансов сделать это сейчас – ноль. Поймают, и уж точно: десятка гарантирована. Со мной в полицейском джипе трое полицейских из драг-полиции, и двое из тюремной охраны.

– Эй, австралопитек, ты увидишь сегодня своего босса? – спрашиваю я у здорового индуса со шрамом на руке.

– Да, а что, ты хочешь ему что-то передать?

– Передай ему, что я всё понял. Я готов платить ему деньги так же, как Тамир. Так ему и передай.

– Окей, он зайдет к тебе утром перед судом, – с улыбкой ответил офицер, протягивая мне сигарету.

Перед тем, как снова оставить меня одного в камере, каждый из сопровождающих взял с меня честное слово, что больше вены я вскрывать не буду. Охраняющий индус дал одну сигарету. Приняв две таблетки валиума, что дал мне доктор, я быстро погрузился в глубокий сон. Мне снился дом: большой, просторный индийский дом с кучей комнат. Я стою у окна и вижу, как к моему подъезду подъезжают полицейские машины. Из них выскакивают менты, и начинают стучать в мою дверь.

– Откройте, сэр, это полиция. Сопrotивление бесполезно. Ваш дом окружен.

И тут я понимаю, что у меня целый чемодан каких-то наркотиков. Я начинаю метаться по дому. Куда-то надо их спрятать! Нет, нужно бежать! Нет, нужно сначала спрятать наркотики! Громкий стук железной двери выдергивает меня из сна, избавляя от нелепого решения: бежать или прятать чемодан наркотиков. Напротив меня стоит сам Ашиш, – шеф драг-полиции. И, ещё не войдя в камеру, он в гневе начинает орать на меня, на непонятном мне языке.

– Зачем ты это сделал? – показывает он на мою перевязанную руку. – Я тебе пять лет тюрьмы организую, если ещё раз попробуешь такое сделать.

– Я всё понял, сэр. Этого больше не повторится.

– Зачем ты это сделал?

– У меня маленькая дочь в школу ходит здесь, в Индии. А у моей жены опухоль в груди, нужны деньги на операцию. Вы забрали все мои деньги, как я своему ребенку в глаза буду смотреть, когда она в школу пойти не сможет? Что я скажу жене? Что у меня нет денег на операцию, а мне светит от десяти до двадцати, и у меня нет денег на адвоката?

– Ты сделал нам проблему, сам виноват, – сурово произнес Ашиш, сурово смотря мне в глаза.

– Все люди совершают ошибки, дайте мне шанс. Я так же, как и Тамир, готов ежемесячно платить вам любые деньги.

– Не нужно мне от тебя ничего. Тамир – мой друг. И только он, один из всех русских, будет платить мне деньги. Обещай, что не будешь больше пытаться покончить собой, и я помогу тебе.

– Обещаю.

– Чем руку себе порезал?

Указав пальцем на кучу мусора, над которым темным облаком летает сотни мух, я почувствовал себя нашкодившим пацаном.

– Там нашел.

Ашиш презрительно нахмурил брови, молча развернулся и ушел, оставив меня снова одного в камере.

ГЛАВА 7. Часть вторая. На воле.

Мухи повсюду, их тысячи. Стоит остановиться, как эти мерзкие твари начинают отвратительно щекотать, нагло, по лицу. Хочется есть. Но все, что продают на улице, окружено облаком мух, которые перелетают с канализационных стоков на продукты. Воспоминания о текущей по асфальту крови ещё слишком ярки в моей голове. В ресторанных меню абсолютно незнакомые мне названия блюд. Зайдя в очередной ресторан, я ткнул пальцем в меню, в надежде, что мне принесут что-нибудь вкусное. Прождав полчаса, мне, наконец-то принесли чашку какой-то мутной подливки и лепешку. Сделав пару глотков, я чуть не поперхнулся от перца в этом блюде. У меня мгновенно сперло дыхание, и потекли слезы. Видимо, надо

начинать привыкать к перцу. Попробовав запить острую еду чаем, я понял, что специи они кладут и туда. Также как и персонал в ресторанах, уличные торговцы отказывались меня понимать. Я мог купить только то, на что я показывал пальцем. Но то, что я видел вокруг себя, мне совсем не хотелось покупать. Я много раз бывал в разных странах, мне всегда удавалось объяснять продавцам, что мне нужно, но, эта страна не была похожа ни на какую другую, виденную мною до этого. Здесь всё было совсем по-другому. Узкие грязные улицы были битком набиты всем, что может передвигаться. Вдоль обшарпанных витрин с какими-то непонятными вещами и предметами медленно текла живая толпа. Этадвигающаяся масса состояла из велорикш, пешеходов, собак, коров и телег со странным барахлом. Иногда проходили слоны, синие овцы и всё это было разбавлено разноцветной человеческой массой. Останавливаться среди этого живого потока было невозможно. Стоило остановиться на мгновение, как в тебя начинали сразу врезаться глазющие по сторонам туристы. Нельзя было спокойно стоять даже по «берегам-тротуарам» этого потока. Увидев во мне потенциального покупателя, меня сразу начали хватать и тянуть за руки уличные зазывалы магазинов, отелей и ресторанов. Но, навязчивее всех были драг-дилеры и прочие уличные жулики. Они пристраивались в потоке рядом, и преследовали повсюду, не переставая, предлагали что-нибудь у них купить. Отделаться от них можно было, только забежав в какой-нибудь магазин. Хотя, назвать магазинами эти убогие помещения, находящиеся на первых этажах, не поворачивался язык. Тем не менее, в них бойко шла торговля какими-то непонятными мне товарами. Привычных европейскому взгляду магазинов не было вообще. Все, что продавалось в этих магазинах, выглядело как некондиция, брак или ужасная подделка. Мне попадались вещи, сделанные из конопляной ткани, но их качество было такое плохое, что продавать их нельзя было не то, что в нашем магазине, их вообще нигде нельзя было продавать. Тем не менее, мне удалось найти некоторое количество изделий из конопли, обойдя целый район, называющийся Мейн Базаром. Перебрав килограмм сто различного барахла, погрызенного крысами, выцветшего или заплесневевшего, я сумел собрать первую посылку для отправки на Родину. Удивительно, но на всех конопляных вещах были пришиты лейблы «Сделано в Непале». «Вероятно, и в Непал придётся заехать», – подумал я, почему-то вспомнив, что давно не накуривался. Жаль времени всего месяц, не успею. Видимо, в следующий

раз будет Непал. А сейчас надо бы, все-таки, сначала какой-нибудь еды купить, и гашиша. Нет, сначала гашиша, а потом еды. А то я что-то никак не могу коннектн с туземскими торговцами наладить. То ли мой минимальный английский слишком минимален, то ли у туземцев язык слишком туземный. Искать драг-дилеров долго не пришлось. Стоило мне остановиться посреди живого потока и оглянуться по сторонам, как ко мне подошли два небритых типа, и предложили купить у них гашиш. Пройдя с ними глубоко в подворотню, один из них достал из носка кусок, размером со спичечный коробок. Драг-дилеры, похожие на азербайджанцев, оказались кашмирцами, приехавшими на заработки в Дели из спорной между Пакистаном и Индией территории. В двух словах рассказав, как нелегко живется кашмирцам, которых не любят ни индусы, ни пакистанцы, мне назвали цену в тридцать долларов. Зная, что такой кусок в России стоит не менее трехсот долларов, я всё же сторговался до двадцати, и, счастливый, побежал в отель, чтобы спокойно накуриться. По пути в «Харе Раму», я, наконец-то, впервые увидел еду, которая не вызывала у меня отвращения. В большой чугунной сковороде уличный торговец жарил на мутно-коричневом масле картофель, лук, томаты, и ловко складывал их в бутерброды. Вокруг него шумно толпилась группа израильских туристов, с аппетитом поглощающих эти бутерброды. Протиснувшись сквозь них, я показал торговцу пальцем на сковороду и сказал: «One». Индус, словно издеваясь, вытаращил на меня глаза и с идиотским выражением лица спросил: «What one»? Я, теряя терпение, снова показал пальцем на поджаренный кусок хлеба. Индус тут же ловко завернув пустой кусок хлеба в газету и, протянув мне, улыбаясь произнес: «Two rupies».

– Ну, ты хотя бы для приличия положил бы что-нибудь в бутерброд, – по-русски сказал я, указывая на сверток.

Индус недовольно развернул газету, ожидая от меня дополнительных указаний. Я показал пальцем на кучу жареных овощей, но торговец продолжал ожидать от меня чего-то ещё.

– Чего ты на меня уставился? Клади в бутерброд начинку, – стараясь говорить спокойно, произнес я по-русски.

Продавец тут же быстро положил жареную помидору на хлеб, закрыл другим, и стал было заворачивать.

– Стоп, стоп, – недовольно начал кричать я, отталкивая протянутый мне сверток, – Ты вон, евреям, смотри какие бутерброды сделал, а мне пустышку продать хочешь.

Индус опять развернул газету, положил жареное яйцо и полил обильно кетчупом.

– Ten guries.

– Вот тебе двадцатка, давай сдачи.

– No change, – развел руками индус, показывая, что у него нет мелочи.

Что за страна? Жулики одни.

– Подавись своей сдачей, – сказал я, забирая свой бутерброд.

Поднявшись в свой номер, я развернул из промасленной газеты бутерброд, радуясь, что наконец-то поем. К моему разочарованию, запах прогорклого масла, снова отбил у меня аппетит. С бутерброда на пол капнула жирная томатная клякса. В моей памяти мгновенно всплыло воспоминание об утреннем трупе и ручейке красной крови, бегущем по мутной сточной канаве. От резко подкативших спазмов я еле успел добежать до туалета. Какое-то время порычав в унитаз, я успокоился, и отправил туда же следом бутерброд отвратительного вкуса. Надо что-то делать. Не домой же возвращаться с позором? Надо покурить. Это всегда помогало мне найти выход из безысходных ситуаций. Соорудив быстро из фольги и пустой пластиковой бутылки курительное приспособление, я сделал свои первые две затяжки в этой стране.